

1

На обшарпанном старинном буфете тикал будильник.

Календарь показывал третье декабря, вторник. Аня, сидя за столом, печатала в ноутбуке научную статью о свадебной кантате Иоганна Кристофа Баха.

Костя, скрючившись, как обычно, на матрасе, покрывал листы принтерной бумаги ровными иксами и почти бесхвостыми игреками.

Их пятилетняя дочка Стеша пыталась открыть третье окошечко адвент-календаря.

— Пап, дай канцелярский ножик! — попросила Стеша.

Костя, не прекращая писать формулы, протянул руку, взял с полки ножик и подал Стеше. Стеша аккуратно вытащила самый кончик лезвия, провела ножичком по пунктиру, отмечавшему ма-

ленькое прямоугольное окошко, пальцем отковырнула картон, и открылась молочная шоколадка в форме птички. Всего их было двадцать четыре штуки, по числу дней Адвента, но осталось уже только двадцать две... двадцать одна.

Умяв шоколадку, Стеша негромко запела:

— Адвент, Адвент, идёт Адвент,
зажглась *одна* свеча,
Мы ждём тебя, мы ждём тебя,
Прекрасное дитя.

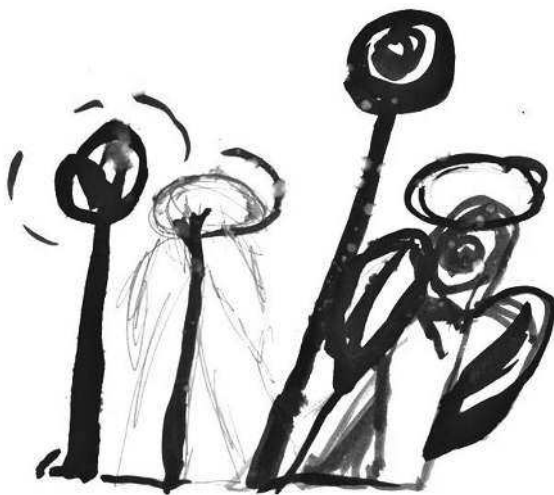
(Овальный поцарапанный стол, покрытый льняной скатертью. Тяжелый старинный буфет. Книжные полки до потолка. Матрас в углу. Маленькая, сухая, чистая и тихая, сумрачная квартирка на втором этаже, окном во двор.)

— Придёт Мария в Вифлеем, — прокашлявшись и прекрасно попадая в ноты, пела Стеша, —

Дитя родится тут,
И ангелы, и-и ангелы
На небе запоют.

(Часы тикали. Аня вглядывалась, щуря глаза, в ссылки на немецком, польском и русском, которые нужно было правильно проставить, про-

АДВЕНТ

верить и перепроверить. Эту часть работы Аня не любила.)

— Запляшут ослик и бычок,
Засветится звезда,
Наступит день, наступит ночь...

(нужно было бы спеть «Наступит день, наступит час», но для Стеши ночь была важнее)

...Святого Рождества.

Аня давно заметила, что Стеша, хоть и поёт очень чисто, но вносит в эту песню кое-что своё. В третьей строчке однозначно следовало шагать с соль сразу на ми: «соль-ми, ми-ре,

соль-ми, ми-ре» — гармонично и мажорно, как перезвон колоколов. Однако Стеша пела с плавным переходом, растягивая: «соль-фа-ми, ми-ре, соль-фа-ми, ми-ре» — «на-а-ступит день, на-а-ступит ночь», да ещё и «ночь» вместо «час», и получалось чуть грустнее; в радостном и простом чувстве возникал подтекст, тень будущего креста.

Сели за чай. Чай пили за тем же столом, покрытым льняной скатертью. Стеша обычно пила чай с помощью большой ложки: погружала её в чай, при этом над поверхностью медлила, чтобы летучий пар мимолётно замутил её блеск, чтобы ложка мгновенно запотела и снова засияла и чтобы по ней прошли радуги; потом потихоньку опускала ложку в глубину, следя, как разбивается в чашке отражение лампы на потолке и вновь водворяется уже в лужице ложки; и только потом поднимала ложку и осторожно лакала из неё тёплый слабенький чай.

— Может, проветримся? — предложила Аня.

— Хлеба надо купить, — сказал Костя.

Трава на пяточке за изгородью пожухла, лужи на асфальте остекленели и запылились. На су-

хом морозе стыли кусты и подмёрзшие физалисы. Трое прошли через подворотню на улицу. Стыли розоватые замусоренные скверы; старые дома и ржавые кровли; не выметенный пыльный асфальт; башенные краны на фоне заката в сумерках.

Костя, когда ходил один, двигался быстро, даже стремительно. Невысокий, угловатый, с волосами тонкими и длинными, носом длинным и тонким, лицом острым, как месяц, Костя носил только чёрное — чёрную беретку, чёрное пальто.

Аня выглядела Косте в пару, или тот казался парой к ней. Тоже немного угловатая, но покрепче на вид; с резкими чертами лица — скулы, подбородок, высокий лоб, волосы густые и тёмные, блестящие.

Стеша семенила рядом в своём красном комбинезоне, дыша короткими и мелкими детскими вздохами.

Они шли молча мимо блестящих или ржавых водосточных труб, мимо машин, припаркованных по обочинам, мимо жухлой травы. На ветках в сквере чернела высохшая, вымороженная рябина. Листья в лужах почернели. Песок подёрнулся инеем. Сумерки сгущались.

— Ха-ха-ха! — раздался гулкий хохот в тишине, и тут же отозвался второй голос: — Уахаха-хаха!

Две дамы на углу, одна роскошная, другая спортивная. Собаки тащили их в разные стороны, а хозяйки, захлебываясь смехом, махали руками и наперебой говорили друг другу что-то дико забавное. То одна, то вторая начинала ржать сильнее, это было похоже на дуэт в опере-буффа.

— Завидую, — сказала Аня. — Никогда не умела так ржать. Кажется, даже в детстве так не смеялась.

— Стеша тоже никогда так не смеётся.

— Она по-другому смеётся. Она разулыбается, глазки выпучит и повизгивает, как маленький поросёнок.

Стеше это понравилось, она забежала вперёд и улыбнулась Ане.

— Ты маленький поросёночек, — повторила Аня и тоже улыбнулась.

Костя автоматически отметил, что сам он как бы и улыбается, и не улыбается. И тут же поймал себя на том, что снова, как обычно, осознал,

АДВЕНТ

зарегистрировал свои чувства и действия. От этого ему стало неуютно. Костя передёрнул плечами и огляделся.

— Да мы вообще не очень любим смеяться, — продолжала Аня.

— Может, не умеем.

Включили фонари, и сразу наступила ночь. Костя и Аня остановились на перекрёстке, где их маленький переулок впадал в большую улицу, точнее, не то чтобы большую, а так, средних размеров. На домах горели вывески: Дикси, Фантастика, Пекарня, салон цветов Восадули, канцелярский магазин Кнопка. Это всё Стеша могла прочитать и сейчас как раз читала, шевеля губами, про себя. А вот вывеску пункта интернет-доставки Wildberries Стеша прочесть не могла. Она пока не умела читать латиницу.

— Может, тебе поможет, если ты опять будешь что-нибудь собирать? — сказала Аня.

Это был давний диалог, реплики в нём были редкими, раз в несколько дней, но Костя понял.

— Смех? — пожал плечами он.

Раньше Костя всё время что-нибудь коллекционировал: то винные этикетки, то люки (фотографировал, когда ездил на международные конференции), но чаще всего — что-нибудь нематериальное, например, ошибки и описки.

— Анекдоты?

— Нет, сам смех. Вот эти две дамы смеялись, их смех — экспонат коллекции.

— Мне кажется, вокруг нас мало кто смеётся.

— Можно из прошлого всякий смех вспомнить, — сказал Костя уже нехотя. На самом деле ему не хотелось ничего собирать, а про смех он предложил так просто.

— Да какая разница, что. Главное, чтобы ты не думал без конца эти мысли.

— Да я и не без конца, — сказал Костя. — Я только иногда. Ты же тоже говорила, что думаешь про что-то, про что не хочешь думать.

— Не совсем, — возразила Аня. — Я говорила только, что я чувствую, как будто я в тупике. Чувствую, а не думаю.

Дома вокруг тонули в сумерках. В окнах зажегся свет.

— Мама, я бы очень хотела вот такую красивую фиолетовую лампочку, как у людей вон в том окне, — сказала Стеша.

Вечером, когда Аня со Стешей уснули, Костя немного поработал, потом встал размять ноги и принялся, по своему обыкновению, ходить по тихой полутёмной квартире туда-сюда. Заглядывал в чёрные окна, трогал корешки книг, прихлёбывал кофе из чашки. Костя любил Аню и Стешу, но ему не хватало одиночества. У них была только одна комната, она же кухня.

Костя остановился у большой пыльной коробки на книжном стеллаже, в которую давным-давно сложил свои школьные и университетские конспекты по матану, линейной алгебре и другим математическим дисциплинам. Поставил коробку на пол и сел рядом. Внутри было много пыли. Костя помнил цвет каждой тетрадки и мог точно сказать, что именно записано в каждой из них. Он нумеровал и конспекты, и страницы; при необходимости — подклеивал к ним дополнительные листы; пользовался ручками разных цветов и системой обозначений.

Костя вынул ярко-голубую клеёнчатую тетрадь, сдул с неё пыль, встряхнул и раскрыл. Десятый класс. Тетрадь раскрылась с тихим треском: когда-то она немного отсырела, а теперь подсохла. Костя понюхал разворот. Он пах точно так, как всегда пахли его школьные тетради. Всё было исписано почерком Кости-старшеклассника: мелким, упругим, уже не детским. Хвосты игреков переламывались пополам, торопливые равенства ещё иногда были похожи на букву «зет» — с годами Костя стал писать их аккуратнее. Этот почерк, впоследствии развитый, усовершенствованный, утверждённый, Костя когда-то позаимствовал не у кого-нибудь, а у учителя математики в интернате.

* * *

Сам учитель никогда не смеялся
он инициировал смех
а это требует серьёзного вида
он теребил свой длинный нос
складывал губы в трубочку
и потом что-нибудь такое изрекал
например, про лужный гуманизм
или ещё что-нибудь такое же
сыфкостическое
его фамилия была Сырков

АДВЕНТ

Эс-эс-сыр — Сан Саныч Сырков
ещё про него говорили «сыронией»
одним словом, он был прямо-таки воплощением
не просто остроумия, но такого, до которого
ещё дорасти надо
такого остроумия, которое льстит слушателям
не снисходит до них, не спускается
а наоборот — поднимает их до себя
бывают учителя, которые шутят, чтобы
казаться своим парнем
чтобы развлечь класс
не то Сырков
он совершенно не нуждался в том, чтобы
подлизываться к ученикам
усмирить учеников было очень просто —
достаточно было
заставить их решать задачки
сырония и сырказм были только приправами
сыпанул — и пламя смеха слегка поднимается
а потом снова к делу
просто допинг, ничего более

но была у них в классе одна
по-настоящему смешливая девица
её звали Маша
дочка архитектора
она обладала невероятным пространственным
воображением
может, наследственным, чёрт знает